

Быстро сполоснувшись, Цзян Лэ поднял руку, стёр с зеркала над умывальником разбрызганные капли и посмотрел на своё отражение.

Когда он постепенно пришёл в себя, лёгкость и сила в теле стали совершенно очевидны. Словно его заново выносило материнское лоно и снова выпустило в мир.

Внешне больших изменений не было. Разве что черты лица в зеркале будто стали чуть отчётливее. Взгляд Цзян Лэ упал на отметку 2-го уровня перед лбом, в глазах вспыхнул свет, а уголки губ сами собой слегка поднялись.

По сравнению со многими невероятно сильными обладателями сверхспособностей после конца света, чей уровень с самого начала уходил за десятку, он всего лишь поднялся с 1-го до 2-го. Но до наступления апокалипсиса даже такого усиления уже хватало, чтобы Цзян Лэ отличался от обычных людей. И что ещё важнее, благодаря этому он убедился: повышение, которое давала ферма, действительно проявлялось через физическое тело. Значит, пока он следует правилам системы и умеет ими пользоваться, даже без пробуждённой сверхспособности у него будет собственный путь роста.

Цзян Лэ взял лежавшее рядом полотенце, вытерся и как раз доставал из шкафа чистую одежду, чтобы натянуть её через голову, когда вдруг услышал сверху шумную ссору.

По обычным человеческим меркам эти звуки было бы невозможно расслышать. Но теперь, долетая до ушей Цзян Лэ, они позволяли разобрать даже подробности разговора.

— Сяо Чжао, давайте всё-таки войдём в положение людей, которые нормально ходят на работу...

— У меня работа такая, с чего это я должен входить в чьё-то положение? Не нравится, пусть съезжает. Лезет куда не просят, уже до меня добрался. Передайте тому парню снизу: если он такой способный, пусть сам ко мне поднимется и скажет. Осмелится?

Ссорились двое. Одним был молодой мужчина с верхнего этажа, который занимался стримами, другой — пожилая хозяйка квартиры Цзян Лэ. Судя по звукам, там, похоже, дошло даже до толчков. Цзян Лэ услышал несколько беспорядочных шагов и голоса соседей, которые вышли их разнимать.

О его конфликте с человеком сверху знали на всём этаже. Когда раньше Цзян Лэ сказал, что собирается съезжать, старушка с некоторым сомнением спросила о причине. Видимо, она решила, что Цзян Лэ выезжает из-за невозможности терпеть шум наверху, и не удержалась: поднялась поговорить с тем жильцом.

Хотя на самом деле последние двадцать с лишним дней Цзян Лэ спал после обеда, а глубокой ночью рано выходил закупать припасы. Его распорядок странным образом совпал с режимом того соседа сверху, поэтому шум почти перестал его беспокоить. Он даже почти забыл об этом конфликте из прошлой жизни.

Цзян Лэ забеспокоился за пожилую хозяйку, открыл дверь и уже собирался подняться наверх, но люди сверху спустились раньше.

Мужчина по имени Сяо Чжао тащил старушку за запястье так, что на лестнице она пару раз споткнулась. Увидев, что Цзян Лэ открыл дверь, он ещё сильнее разъярился и стал похож на взбесившегося быка. Несколько соседей, которые открыли двери посмотреть, что происходит, тут же втянули головы обратно и теперь тайком выглядывали только через сетку защитных

дверей.

Взгляд Цзян Лэ похолодел. Он сначала шагнул вперёд, поддержал пожилую хозяйку и помог ей встать ровно, затем тихо её успокоил.

Прошлой ночью Сяо Чжао весь стрим проигрывал одну партию за другой, донатов получил больше чем наполовину меньше обычного, а потом хозяйка квартиры разбудила его стуком в дверь. Из её слов то и дело следовало, что он слишком шумит по ночам во время стримов и мешает её жильцу. Вспомнив, как раньше парень снизу по имени Цзян Лэ не раз приставал к нему со своей чушью про ранний подъём на работу, Сяо Чжао разозлился ещё сильнее. Он собирался спуститься и как следует проучить Цзян Лэ, чтобы тот запомнил.

Но теперь, увидев Цзян Лэ, Сяо Чжао на миг застыл. Не знал, показалось ему или нет, но Цзян Лэ будто стал чуть выше и крепче. Да и взгляд, которым он смотрел на Сяо Чжао, больше не был похож на прежнюю уступчивую готовность уладить всё миром.

Однако уже через секунду Сяо Чжао выбросил это ощущение из головы. При росте в метр восемьдесят и весе за девяносто килограммов он по-прежнему был достаточно уверен в себе, чтобы ни во что не ставить Цзян Лэ.

Цзян Лэ едва успел отвести перепуганную старушку в сторону, как Сяо Чжао с силой пнул его открытую дверь. Дверь отлетела к стене и ударилась с тяжёлым грохотом, который разнёсся по подъезду. Старушка от испуга вздрогнула.

Хозяйка квартиры поспешно достала телефон. Рука, готовая вызвать полицию, уже слегка дрожала.

После удара ногой Сяо Чжао протянул руку к Цзян Лэ. Он собирался схватить его за плечо, толкнуть к стене и там пару раз пустить в ход кулаки, как по мешку. Но кость под его пальцами неожиданно осталась неподвижной, словно он упёрся в камень. Глаза Сяо Чжао чуть расширились. Цзян Лэ поднял руку и перехватил его кисть. Кулак, который выглядел полным силы, в этой хватке оказался мягким, как ком ваты.

— А-а-а! Отпусти, больно! — Сяо Чжао почувствовал, что кости в руке вот-вот будут раздавлены Цзян Лэ, и тут же завопил.

Сам Цзян Лэ не считал, что приложил большую силу. Но поскольку он только недавно поднялся до 2-го уровня и ещё не слишком хорошо контролировал изменившуюся мощь тела, то, увидев, что боль на лице Сяо Чжао не похожа на притворство, всё-таки немного ослабил хватку.

Неожиданно Сяо Чжао не смирился. Поймав момент, он тут же ударил другой рукой. С такого расстояния и с такой скоростью он был уверен: у Цзян Лэ просто не будет времени среагировать. Но он не знал, что в глазах Цзян Лэ его движение стало медленнее на полтакта. Цзян Лэ всего лишь слегка наклонил голову в сторону и увернулся. Зато кулак Сяо Чжао не успел остановиться и с глухим «бум» врезался в стену.

В подъезде раздался вопль, будто резали свинью. Сяо Чжао присел на месте, чувствуя, что теперь у него отказали обе руки.

Цзян Лэ даже немного потерял дар речи. Он протянул руку, чтобы помочь ему подняться, но едва коснулся человека, как Сяо Чжао завопил:

— Брат, брат, я был неправ!

Он боялся, что Цзян Лэ сейчас ударит его и переломает кости.

Пожилая хозяйка молча сбросила почти набранный вызов полиции и сказала рядом:

— Не наговаривай, Сяо Цзян тебя не бил. Ты сам хотел ударить и промахнулся.

Сосед, прятавшийся за защитной дверью, тоже поддакнул:

— Вот именно.

Сяо Чжао спускался вниз нагло, а теперь молча, с красным лицом, кое-как убрался обратно вверх.

Цзян Лэ не стал обращать на него внимания. Он посторонился и впустил пожилую хозяйку в квартиру, чтобы перед расторжением аренды она ещё раз проверила состояние комнаты.

Большая часть мебели в комнате принадлежала квартире изначально. То, что Цзян Лэ покупал сам, он за последние два дня уже убрал в системное пространство. Теперь в комнате, кроме одежды в шкафу и подушки на кровати, почти ничего не осталось.

Хозяйка была человеком прямым и лёгким в делах. Она просто посмотрела, убедилась, что ничего не сломано и жильё содержалось очень хорошо, и тут же вернула Цзян Лэ залог.

Только когда она увидела ряд рассадных горшочков в углу комнаты, то немного удивилась:

— Сяо Цзян, а это что у тебя столько рассады?

Цзян Лэ придумал причину:

— Купил, чтобы дома посадить для интереса.

Хозяйка больше ничего не сказала.

Когда она ушла, Цзян Лэ взял рассадные горшочки и снова вошёл в системное пространство.

Первый раз тяжело, второй уже привычнее. Рыхление, посадка, полив. Следуя порядку действий, он пересадил каждый горшочек на отдельный участок. Между грядками появилась новая партия шкал роста растений.

Закончив, Цзян Лэ вернулся в комнату, открыл шкаф, достал рюкзак, положил туда удостоверение личности и прочие мелочи, нужные в дороге, а всё остальное убрал в системное пространство.

Перед уходом Цзян Лэ обернулся и ещё раз посмотрел на маленькую комнату, где прожил несколько лет, а потом тихо закрыл дверь.

Родной город Цзян Лэ находился в трёх часах езды на скоростном поезде от Хайши. Это был город среднего размера под названием Цзянши. Цзянши окружали холмы, а посередине через него проходила река. Зелёные воды, зелёные горы — жить здесь было приятно.

В прошлой жизни после начала хаоса Цзян Лэ смешался с толпой беженцев из Хайши. Он очень хотел вернуться домой, но за несколько лет так и не смог снова попасть сюда. Теперь он

сидел в скоростном поезде домой, смотрел на знакомые пейзажи за окном и вместе с грустным волнением постепенно чувствовал, как в груди поднимается спокойная опора.

Когда он прибыл на вокзал Цзянши, Цзян Лэ собирался сразу взять такси и поехать домой. Неожиданно у выхода его ждал Лю Цзяньхуа. Как только тот увидел Цзян Лэ, тут же подошёл с горячим радушием, хотел снять с него рюкзак и сказал, что отвезёт его к себе поехать.

Цзян Лэ знал, что Лю Цзяньхуа торопится из-за квартиры, и не стал обмениваться любезностями.

— Еду можно не устраивать. Приду, всё равно есть не смогу. Ты подготовь деньги, завтра пойдём всё оформлять.

Сказав это, он не стал обращать внимания на Лю Цзяньхуа, сам сел в такси и поехал домой.

В старом доме жили многолетние соседи. Едва Цзян Лэ вернулся, как бабушка с первого этажа сразу его окликнула. Сначала расспросила, как он поживает, потом окольными намёками напомнила, что в последнее время снова ходят слухи о сносе, и боялась, что он, живя далеко в Хайши, ничего не знает.

Цзян Лэ прикинул: вероятно, Лю Цзяньхуа уже несколько раз приходил сюда и попался соседям на глаза.

Цзян Лэ благодарно кивнул, а затем рассказал заготовленную причину: он собирается купить квартиру в Хайши и поэтому решил продать старую квартиру Лю Цзяньхуа.

Соседи удивились, но ничего не сказали. В конце концов, в представлении большинства людей перспективы Хайши были куда лучше, чем у Цзянши. Раз Цзян Лэ теперь мог покупать жильё в Хайши, значит, жил он неплохо.

Попрошавшись с соседями, Цзян Лэ открыл дверь ключом. Дома всё выглядело так же, как в день его последнего отъезда, только вещи покрывал тонкий слой пыли.

Он протёр фотографию матери и первой убрал её в системное пространство. Оглядев старую квартиру, он увидел мебель, посуду, кастрюли, миски: всё это было куплено ещё при жизни матери. В шкафу лежала старая одежда и много толстых ватных одеял, которыми так и не успели воспользоваться.

Цзян Лэ убрал все вещи из квартиры на склад пространства. Обойдя комнаты кругом, он оставил только старый календарь на стене. Все воспоминания старой квартиры он забрал с собой.

Вечером Цзян Лэ не стал разводить огонь. Он просто достал из пространства порцию риса с мясной подливой, съел её, а потом прямо на полу постелил себе место и лёг спать. Рано утром следующего дня, когда он умывался, за дверью послышался стук Лю Цзяньхуа.